

А. В. ИВАНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ ЕРЕВАНА

ЧЕТЫРЕ ОТРЕЗКА ОДНОЙ ПРЯМОЙ¹

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 80-93
<https://doi.org/10.17323/usp00201580-93>

Генеральная линия

Этот текст посвящен не модернизму как архитектурному явлению, локализованному во времени чаще всего в пределах XX века² [Генис, 2001], но, скорее, особому типу культуры, определяемому парадигмой «силового» отношения к городу, человеку, природе. В ее рамках цель оправдывает средства, движение вперед ценнее «обращенности внутрь»³, новое лучше ветхого, конкретные места как «накопленные времена» [Де Серто, 2013] игнорируются «зодчими будущего», течение истории можно изменить усилием воли, а городскую идентичность — кардинально реформатировать. То есть речь пойдет о, если можно так выразиться, культуре модернизма. И в этом смысле модернизм Еревана едва ли не столь же древен, как и сам

- 1 Автор благодарен Рубену Аревшатыану за предложение написать первоначальный вариант этого текста для каталога павильона Армении на XIV Архитектурной биеннале в Венеции. Краткий вариант статьи опубликован на англ. языке: Ivanov, Andrey. Historical Modernism of Yerevan: Four Stages on the Same Line // Cultural Heritage Preservation. The international conference, Yerevan, 4-6 June 2014. URL: <http://chp2014.restauroarmenia.org/abstracts/Ivanov.pdf> (последний просмотр данной и всех последующих электронных ссылок — 25 ноября 2015 г.).
- 2 Встречаются и более узкие определения, например: «Модернистское городское планирование: подход к планированию, распространенный в первые десятилетия после Второй мировой войны и характеризующийся строгим зонированием и развитием пригородов с низкой плотностью населения, основанный на недорогом топливе, использовании автомобилей и общественных инвестициях в инфраструктуру» [Urban Planning..., 2013].
- 3 Перифраз выражения армянского композитора Т. Мансуряна [Мансурян, 2007].

Historical Modernism of Yerevan: Four Segments of One Straight Line

Автор: Андрей Владимирович Иванов, магистр городского менеджмента и развития (IHS/Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Голландия), профессор Международной Академии архитектуры, советник Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства.

Author: Andrey Ivanov, MSc in Urban Management & Development from Institute for Housing and Urban Development Studies (IHS)/Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands, Professor of the International Academy of Architecture, Adviser in the Russian Housing Development Foundation.

E-mail: andreyivanovarch@mail.ru

Abstract: The article deals with the phenomenon of “historic modernism” inherent in urban development of Yerevan – the capital of the Republic of Armenia. There are “Four Yerevans” described – the main periods of this city’s development: Ancient (Urartian, medieval Armenian, and Ottoman-Persian); Russian imperial; Soviet; and Post-Soviet. The author shows how at each subsequent stage the environmental achievements of the previous period were “canceled” in the frame of the linear modernist paradigm, and a new, more “correct” city was built on these ruins. The emphasis is placed on the exceptions to this rule: vernacular districts created in the “bottom-up” manner by the citizens themselves, the so-called “islands of resistance”. However, the urban community in general remains “undermodernized” and has little effect on the ongoing top-down processes of city formation. Apparently, only the significant changes in the society (development of the actual local self-government; awareness raised on the value of all periods and styles heritage; genesis of a genuine urban culture) will be able to launch the transition to the “Fifth Yerevan”, a contemporary historic city carefully keeping the whole multilayered urban heritage.

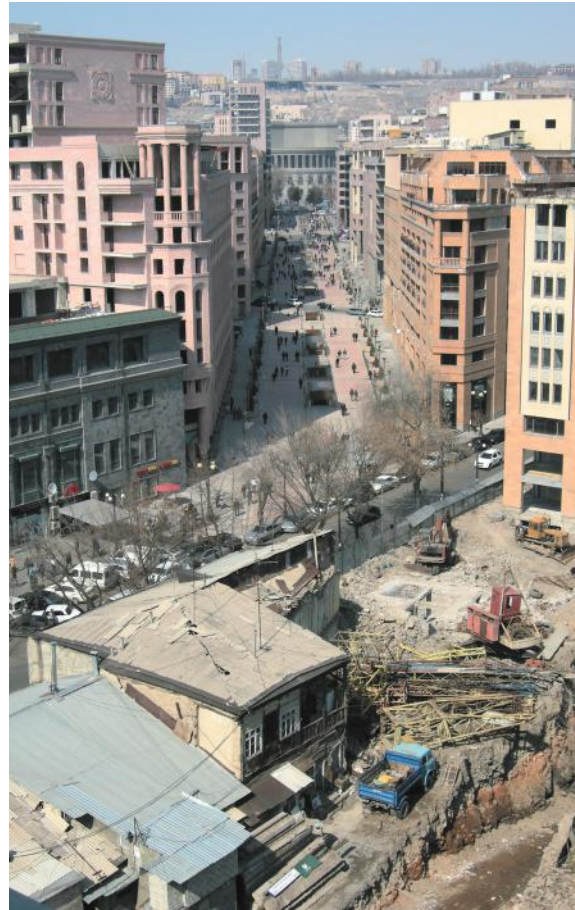
Keywords: modernism, vernacular, strata of urban history, place, identity, architect-visionary, urban culture, top-down/bottom-up

этот почти 2800-летний город, ставший в какой-то мере отражением протяженной, сложной и «рваной» армянской истории.

Не случайно оплот духовной традиции — религиозный центр Армении Эчмиадзин — пространственно отделен от ее светской (12-й или 13-й по счету) столицы и живет своей жизнью. Сам же Ереван, напротив, можно назвать городом «линейного и секулярного времени прогресса» [Горин, 2013]. Прерывистость. Нестабильность. Вычеркивание старого новым. Марафонский забег в направлении от собственного прошлого. Ереван — город вот такой вековой модернистской культуры.

Северный проспект
и остатки исторических
зданий на улицах Абовяна
и Арами. Фото автора, 2012.

Общий вид Еревана от музея Эрбуни.
Фото автора, 2013.

Кто фокусник, вытаскивающий, словно из волшебного сундучка, многоэтажки вместо крепости, детский парк вместо главного рынка, многозвездный отель вместо части другого парка, проспект вместо переулочной вязи? Не присущ ли этому месту некий безответный дух перемен, никак не дающий ему устояться и стать собой?

Подобный дух отличал харизматичных визионеров-преобразователей — Екатерину II, перепланировавшую русские города, барона Османа, перестроившего Париж, Ле Корбюзье, мечтавшего ре-перестроить Париж и перестроить Москву. И Ереван привлек в свое время визионера не меньшего масштаба — Александра Таманяна, возможно, уловившего и подхватившего модернистскую устремленность этого города.

Эту устремленность, пожалуй, следует отличать от органичного для иных культур стремления к постоянному новаторству, о чем, например, писал Р. Мугераер применительно к появлению луврской пирамиды: «... закладываемые <...> перемены в Лувре, <...> которые, по-видимому, расколют исторический покой

и эстетическую целостность в придачу, правительство Миттерана пытается утверждать, что значение имеет не консервация шедевров прошлого, <...> но, скорее, непрерывное, настоящее достижение креативности, которое и есть французское художественное и культурное достояние. Лувр, таким образом, не превратится в институализированного Дориана Грея, но будет свидетельствовать о французской подлинности как все еще действующей творческой силе» [Mugerauer, 1996].

В Ереване же вместо тонких новаторских включений в исторический контекст на протяжении всей истории города происходит перманентное уничтожение самого контекста.

Четыре Еревана

Можно выделить четыре основных периода истории города: древний (равно непропорциональный по протяженности во времени и бедности сохранившимися артефактами в сравнении с последующими), русско-имперский, советский и постсоветский.

Первый Ереван — урартский, средневеково-армянский, османо-персидский — был (с небольшими перерывами) небольшим колониальным городом на территории Восточной Армении с частой сменой правителей, в основном не укорененных в данном месте и без всякого пиетета относившихся к наследию предшественников. Материального наследия этих этапов сегодня почти не видно, духовное — эфемерно либо музеефицировано. Однако в этом протомодерном периоде, от которого почти не осталось внятных следов, скрыты корни многих актуальных процессов⁴.

Второй Ереван. В 1828 г. город обнаружил себя периферийным административным центром Российской империи, а в конце XIX в. уже пробовал стать «европейским»: в позднеимперской Эривани появляются зачатки модернити. Вот только собственно армянские культура и бизнес процветали не здесь. Упрочиться, нарастить городские «мускулы», достичь состояния неотъемлемости городу не дала, среди прочего, ориентация активного армянства на центры силы, расположенные вне Армянского нагорья — Тифлис, Баку, Константинополь, Санкт-Петербург. И все же в это время успели оформиться «раскрашенные львом»⁵ разноцветно-туфовые центральные улицы губернской столицы, и сложились поблизости разноязычные вернакулярные районы и кварталы — Конд, Фирдуси и др. Сегодня эти срединные слои урбанистического пи-

Ереванский микст: улица Абовяна.
Фото автора, 2012.

рога Еревана, которые должны были стать «замковым камнем» его исторически преемственной градостроительной конструкции, истончаются на глазах и не рассматриваются большинством горожан как сколь-нибудь ценные.

Третий Ереван. А началось это небрежение с А. Таманяна. Великий зодчий, призванный правительством т. н. Первой республики в 1919 г. для составления генерального плана ее столицы, не принял пестрого, мультикультурного, живого, но не-ставшего города. И захотел создать вместо него город новый, правильный, истинно «армянский», избрав архитектурным прототипом царственные руины Ани, одной из прежних столиц. 1920–80-е годы стали временем господства модернити как таковой. Архитектура авангарда — «неармянский стиль» — «армянский советский модернизм» — все это возникало и сменялось одно другим в рамках единой современной парадигмы.

А сегодня — ни то, ни другое, ни третье. **Четвертый,** постсоциалистический Ереван: среда «быстрых денег», финансовых инвестиций и потребления, «глобалистские» или

4 Политолог и публицист Арис Казинян недаром ставит вопрос, «каким именно образом эта территория умудрилась сохранить свой армянский стержень в периоды, когда Ереван находился в составе Ахеменидского Ирана, Монархии Селевкидов, Римской империи, Сасанидской державы, Византийской империи, Арабского халифата, Сельджукского султаната, Грузинского царства, Монгольской империи, Ильханства Хулагуидов, Империи Тимура и власти Чобанидов, Государства Кара-Коюнлу, Падишахства Ак-Коюнлу, Империи Сефевидов, Османской империи, Персидской империи Каджаров и т.д.» [История..., 2015].

5 Перифраз из третьего стихотворения цикла «Армения» О. Мандельштама («Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала, // Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?»).

псевдоклассицистские здания без своего лица и каких-либо архитектурных открытий, как галлюциногенные грибы растущие на месте старых построек. Как с сожалением отмечает Карен Бальян, «современный Ереван лишен современного мышления <...>, и именно это не позволяет формироваться свободомыслию, демократичности и сохранять среду города» [Бальян, 2015].

Простота перемен

Что творилось с духами этого места, когда здесь веками никто не жил? Когда сменяли друг друга царства, империи и республики, правители и народы? Когда исчезло Урарту... Когда, через тысячелетия, улетучился «азиатский» Ереван, замороживший итальянского журналиста Л. Виллари в 1905 г.: «сводчатые

пассажи, манящие восточными тайнами, магазины с темными занавесками и толпы татар в длиннополой синей одежде выглядели занимательно. <...> На каждом углу предлагали кофе и чай. <...> В галереях и маленьких двориках отдыхали неуклюжие верблюды» [Виллари, 2006].

Когда — еще совсем недавно — ушла куда-то «ереванская цивилизация» золотой декады этого города, 1960-х, ярко описанная С. Лурье и А. Давтяном в одноименной книге. Улица Саят-Нова — характерный пример быстрых линейных перемен, происходящих с ереванскими городскими структурами.

На улице Саят-Нова закипела совершенно новая жизнь. Люди осваивали ее прямо на глазах, делились впечатлениями, с одобрением принимали новые ее правила. Например, сразу привыкли, что розы рвать нельзя, а рыбок в бассейне нельзя не толь-

**Модернистская застройка 1960–70-х гг. на месте
вернакулярной застройки Конда. Фото автора, 2013.**

Улица Саят-Нова.
Фото автора, 2013.

ко пугать, но и пытаться кормить. Сразу решили, что когда деревья начнут плодоносить, рвать с них фрукты разрешено будет только детям. <...> Люди чувствовали себя по-новому, радовались, и были удивительно едины — от мала до велика. <...> Этой улице, этой радости предстояло сыграть огромную роль в становлении образа Еревана и образа ереванца. Эта роль, может быть, была даже большей, чем роль плана Таманяна, хотя последний гораздо более известен [Лурье, 2007].

А сегодня Саят-Нова — обычная, рутинная улица городского центра, не выделяющаяся ничем особенным из своего окружения.

Инновации появляются здесь извне среды, как правило, на уже чем-то или кем-то занятом месте; старое расчищается; новое вспыхивает, некоторое время «искрит», но вскоре «нормализуется», нивелируется, не обретая собственной, устойчивой ценности, и в конце концов заменяется новым новым. Ереванская модерность, расцвет которой пришелся на 70 советских лет, оказалась близка по духу к тому типу модерности, который «ориентирован на снятие напряжения между сущим и должным не во временной перспективе, а в пространственной. Для прорыва к идеалу не требуется кропотливая работа по связыванию прошлого, настоящего и будущего. Необходимо лишь радикально сменить декорации» [Горин, 2013].

К Еревану вряд ли применимы такие термины, как ревитализация или регенерация исторической среды, отражающие сегодняшнюю практику других столь же древних городов (Иерусалим, Рим, тот же Константинополь-Стамбул — армянский Полис), где в результате сложения историко-культурных слоев рождается синергия, происходит взаимодействие архитектурно-исторических, функциональных, символических ценностей, дающее ощущение глубины, плотности и мощности смыслов.

Здесь же приходится самому реконструировать картину городской истории, ее пласты как-то не склеены, фрагментны, и в иные из них порой приходится только верить.

Древний город словно боится вглядываться в свое реальное прошлое и оказывается в ситуации безвременья — старое не ценится и не работает, новое не успевает укрепиться и прочно врасти в среду. Так что модернизм — не новость для Еревана.

Жертвы линейности

Самая крупная жертва второго Еревана — Эриванская крепость, построенная Сефевидами в начале XVI в. Разрушение началось при русских уже с середины XIX в., и сегодня на наших глазах исчезают последние реликты этой покоренной генералом И. Ф. Паскевичем цитадели. Место крепости постепенно застраивается безликими жилыми многоэтажками.

Последний пилон мечети на территории бывшей Эриванской крепости. Фото автора, 2013.

А ядро, средосердие⁶ исторической Эривани — средовой ансамбль рынка Гантар и Базарной площади, с торговыми рядами и караван-сараями, Бульваром (главным городским променадом), лучшими отелями и магазинами, русской церковью — стало жертвой Еревана третьего. Базарные постройки и функции уничтожены в 1930-е и 40-е гг., а не так давно снесены последние могики Гантара — здание гостиницы «Севан» архитектора Н. Буниатяна, а также более ранний Сельскохозяйственный банк того же автора и соседние с ним дома [Иванов, 2014]. Теперь вместо этого важнейшего городского места, которое при его развитии могло бы скрепить разрозненные слои ереванской истории, — бесформенная площадь Шаумяна, полупустой детский парк им. Кирова, вновь построенное правительственное здание для МИДа и ряда других министерств⁷, пустынная, ведущая к мэрии, эспланада. Казалось бы, разные эпохи, идеологии, различное понимание наследия, а процесс борьбы с прошлым один — линеен, модернен...

Так что жертвы четвертого Еревана, появившиеся в последние годы, — снесенный Дом молодежи, изрядный кусок Парка Победы, занятый отелем Golden Palace, Крытый рынок, изуродованный реконструкцией под супермаркет, полууничтоженные улицы Бюзанда и Арами, да и единственная сохранившаяся в центре города со времен средневековья церковь Катогике XIII в., вдруг оказавшаяся «довеском» к огромному церковному новоделу — это прямое продолжение череды прежних потерь и разрушений. Здания модернизма могут «устареть» (как объявили недавно устаревшим круглый терминал аэропорта «Звартноц»), дух модернизма не устаревает. По крайней мере, в Ереване.

6 Термин «средосердие» в применении к городской среде использовался Александром Высоковским, определявшим его как «место, которое олицетворяет город для его жителей. Это главная точка городского ландшафта и главный символ, с которым они готовы себя идентифицировать. Другими словами, это сердце города, точка отсчета ценности всех остальных мест города» [Высоковский, 2007].

7 При этом сегодняшнее здание МИДа — т. н. второй Дом правительства, входящий в ансамбль площади Республики, планируется перестроить под фешенебельный отель.

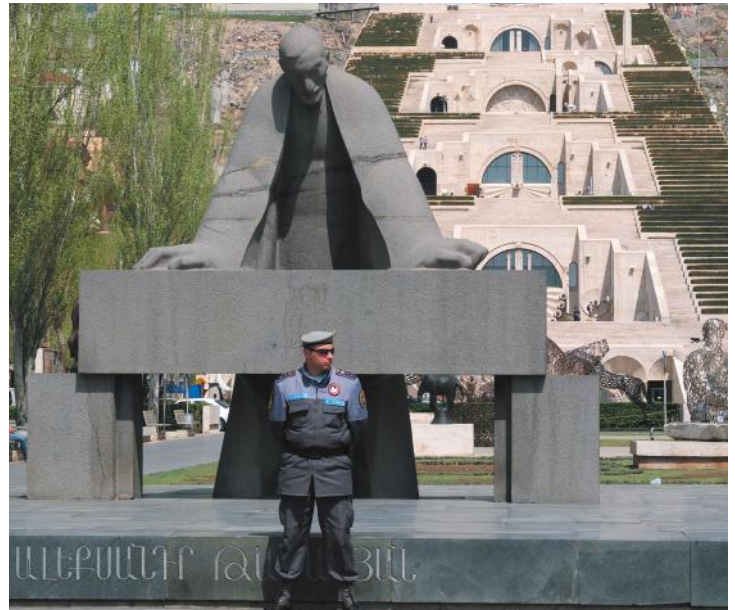
Неявный модернист

Имя А. Таманяна, внесшего выдающийся вклад в формирование нового центра Еревана, вызывает обычно благоговейный трепет. В истории армянской, а также советской архитектуры его фигура рассматривалась в отрыве от модернистского контекста, что соответствовало дихотомичной логике идеологизированной истории, где «модернистам» авангарда противопоставлялись «носители прогрессивных традиций национального архитектурного наследия» [Веймарн, 1951]. Однако его роль все же не видится столь однозначной. Таманян, бесспорно, — один из главных создателей *genius loci* Еревана. Но он оказался и одним из его «расшатывателей», задав идеал города как обрамленного величественными горами гармоничного, архитектурно организованного пространства, и заложив, наряду с вектором обращенности города к Арарату [Бальян, 2006], вектор выморачивания спонтанно сложившейся, неспланированной среды. Сохранив в генплане новой столицы Армении многие второстепенные элементы сложившейся планировочной структуры Эривани, Таманян дополнил их рядом радикальных планировочных инноваций, а к рядовой застройке, в то время преимущественно вернакулярной, отнесся как к «пустоте» — *tabula rasa* для будущей «правильной» архитектуры. Почти все здания, которые изображены на генеральном плане, утвержденном в 1924 г. — новые, обрамляющие по периметру регулярные площади и кварталы (исключения — несколько церквей и мечетей, многие из которых все равно были снесены).

В творчестве Таманяна совпало, казалось бы, несочетаемое: модернистский подход к истории места⁸ и стремление к созиданию нового на основе древних национальных прототипов. Но это кажущееся противоречие. Для настоящего визионера равно допустимо и игнорирование, и изобретение реальности. И рана, нанесенная Таманяном городу, до сих

Портрет А. Таманяна и схема генплана Еревана 1924 г. на 500-драмовой купюре, вышедшей из употребления.

Памятник А. Таманяну (скульптор А. Овсепян, архитектор С. Петросян, 1969). Фото автора, 2013.

8 Архитектуроведению для такого признания понадобился почти век, как это сделал, например, К. Бальян: «Генплан Таманяна, составленный в 1919–1924 годах, был исключительно модернистским проектом. Ереван был первой в XX веке заново строящейся столицей. Таманян строил идеальный город, который должен был иметь единый облик» [Бальян, 2015].

пор не осознана. Физическое и, что важнее, ментальное уничтожение подлинной исторической застройки, к которым Таманян, разумеется, не призывал, но как бы «разрешил» их социуму, не стало для ереванцев культурной травмой. Не потому ли так относительно легко воспринимались на протяжении последнего века новые и новые разрушения? Характерен пафосный вердикт Андрея Белого:

...Кривули закоулков, растрески стенные <...>, с резными террасами и подворотнями, с зарослью мощных кустов на распавшихся крышах, с которых белье полоскается, — те кривули пожалеешь: снесутся; <...> трезво же подумав, не станешь жалеть: на развале уж новый фундамент сидит; <...> недавний стиль зодчества — новоармянский, тяжелый и вымученный [вероятно, А. Белый имеет в виду дореволюционную эклектику, или т. н. «кавказский ампи́р» — А. И.], или то — ренессанс, не калечащий местный ландшафт, явно ладящий с ним: дома эти — оранжевых, розовых, серо-ореховых цветов, с белую лепкой; прекрасны постройки Таманова, сложенные из цветов необмазанной почвы, с заостренной крышею из черепицы, поладившие архаической формой с теперешним веком; «тамановский» стиль, поднимающий будущее и умело являя в нем староармянское зодчество, строит картину великого «завтра» [Белый, 1985].

Можно сказать, что Таманян, изобретая новый Ереван ради «великого национально-го завтра», по отношению к старому действовал в рамках стратегии «уничтожения места», предполагающей, как считают Н. и Д. Замятины, «отмену всех его традиционных признаков и примет, стереотипов и знаков. Взамен появляется новое место — метаместо Гения, который своим творчеством старые местные образы переплавляет в своей образной «печи»» [Замятина, 2007]. Переплавились. И большинство новых пространств вполне успешны — «венский» Ринг Кольцевого бульвара вместо провинциального променада, «римские» клещи площади Республики вместо небольших торговых пятачков, «вашигтонский» молл все еще незавершенного Главного проспекта — вместо лучших эриванских кварталов. Однако, потеряв большую часть дореволюционной застройки, город, на мой взгляд, утратил существенную часть своей самобытности.

Общий вид Северного проспекта.
Фото автора, 2012.

И вот сегодня под угрозой сноса или искажения уже постройки самого Таманяна — от скромного здания «с заостренной крышею из черепицы» на ул. Пушкина, 25 (по состоянию на конец 2015 г. от него осталась единственная фасадная стена) до основного его творения — Дома правительства на площади Республики⁹.

Просека проспекта

Северный проспект, новый «бродвей» Еревана, строящийся с 2004 г. на месте паутины реликтовых «глиняных» переулков и улицы Лалаянца и «открытый» в 2007-м, подавался авторами¹⁰ как реализация одной из идей А. Таманяна: нацеленная на Арарат диагональ в прямоугольной уличной сетке, обстроенная культурными и общественными объектами, должна была соединять главные здания города — Народный дом (будущую Оперу) и Дом правительства.

- 9 Существуют предложения по строительству во внутреннем дворе здания башни с куполом, задуманной, но не реализованной в свое время А. Таманяном, и по высоте и объему значительно превышающей параметры его проекта.
- 10 Проспект строился под патронажем тогдашнего президента Армении Р. Кочаряна; автор планировочного решения и проектов большинства зданий — Н. Саркисян, главный архитектор Еревана в 1999–2004 и 2011–2013 гг.

**Северный проспект ночью.
Фото автора, 2015.**

Но получилось нечто иное, гибридное: активно посещаемое публичное пространство улицы-молла с роскошными бутиками и кафе, устроенными в первых этажах практически не обитаемых элитных жилых высоток. Здания здесь несомасштабны окружению и одеты либо в упрощенный «неоармянский» декор, либо в угловатый, резкий пост-постмодерн. В них нет ни глубокой культурной рефлексии, ни формальных находок, присутствующих лучшим произведениям армянского зодчества вплоть до 1980-х гг.

В итоге Северный проспект вместо усиления местной идентичности привел к ее размыванию: здесь доминирует стандартизованное «глобальное», а не «ереванское». Почему Ереван позволяет так себя упрощать? А почему Москва? Но ведь Париж, Берлин, Барселона где-то находят силы для непрерывного самоусложнения, противостояния глобальной энтропии? Эти города, в какой-то момент своей истории тоже оказавшиеся на линейно-модернистском пути, смогли остановиться и перейти к новой урбанистической парадигме.

К сожалению, в Ереване путь к «новому» опять пролегал по ядру исторического города, вместо того, чтобы вывести к некоему местному «Дефансу», который все еще не придуман. Когерентность исторических слоев вновь нарушена: самый новый разрывает самую сердцевину городской ткани.

Островки сопротивления

И все же в городе остаются места, не поддающиеся разрушительным интенциям, своего рода завитки-ответвления от бульдозерной прямой его развития — любимые места автора. Это, прежде всего, вернакулярные районы, «муравейники эриванские» (О. Мандельштам) — Конд, Козерн, Старый Норк, Канакер, Норагюх, Сари-Тах, — а также несколько небольших анклавов в пределах центра: дворики, спрятанные за туфовыми фасадами, внутренние интимные миры-соседства, сохранившиеся при периметральной обстройке кварталов.

Эти миры спонтанного вернакуляра разных времен обладают рядом существенных свойств, отличающих их от модернистских сред города.

Это неоднородная, устойчивая жизненная среда, перманентно меняющаяся вместе со своим субъектом при «ручной» адаптации окружения к человеку: устройстве «удобств», гаражей и новых жилых помещений по мере роста семей, надстройке крыш, возделывании дворовых садов и виноградников.

Это самоорганизованная среда, выстроенная снизу вверх, обладающая собственными, не заданными извне, этикой и красотой, дарящая ощущение плотных неформальных (соседских, родственных, деловых) человеческих связей.

Наконец, это демократичная и «честная» среда, адекватная реальным возможностям

**Общий вид вернакулярного района Норагюх.
На переднем плане — фрагмент модернистского
здания 1970-х гг. Фото автора, 2013.**

Фрагмент среды вернакулярного района Конд. Фото автора, 2015.

Девочки на улице Конда. Фото автора, 2012.

Конд. Стрельчатая арка и фигурная кладка — характерные детали местного вернакуляра. Фото автора, 2012.

ее обитателей, не допускающая характерных для сегодняшнего Еревана чрезмерных «понтов» и пускания пыли в глаза.

Модернистский подход (равно как его периферийно-постмодернистская инкарнация в застройке четвертого Еревана) игнорирует эти ценности стабильного, приемственного «низового» города, отражающие «горизонтальные» составляющие «ереванскости»: обжитость, срединность, семейность, диалогичность. Ценности же модернизма, объекты которого создаются, как правило, сверху вниз¹¹, «вертикальны» — это доминантность, авторитарность, амбициозность, индивидуализм. Они могли бы дополнить и оттенить ценности вернакуляра, но в реальности просто их замещают.

Да, многие обитатели Конда и других подобных урочищ живут скученно, трудно, мечтая переселиться в давно обещанные квартиры. Но не меньше и тех, кто хотел бы, улучшив условия, остаться на родном месте, кто уже, несмотря на запреты, выстроил новые дома в 3–4 этажа с магазинчиками на первом, кто любовно выметает аккуратные дворики с виноградными перголами — с ними-то что делать? В Ереване пока опробован единственный — вполне модернистский — метод: изгнание коренных жителей сильными инвесторами-застройщиками при правовой поддержке и техническом участии государства. Так возник Северный проспект, так застраиваются улицы Бюзанда и Арами, некогда Бейбутовская и Царская, одни из лучших улиц Эривани, так собираются поступить сегодня с жителями квартала Фирдуси и торговцами одноименного рынка, чудом сохранившихся вблизи главной площади [Микаэлян, 2015]. И все же Конд существует, несмотря на начертанный Таманяном на его месте кружок «Государственного музея Армении» и многие более поздние проекты его реконструкции. Конд не поддается геометрии и большим деньгам [Иванов, 2014: 38–55].

М. де Серто говорил о таких местах как об «очажках сопротивления» упрямого прошлого: «Они торчат посреди модернистского, массивного, гомогенного города, как кончики

11 Показательна выдающаяся личная роль руководителей Советской Армении и Еревана при создании знаковых сооружений 1960–80-х гг. — монумента жертвам Геноцида, Дворца молодежи, Спортивно-культурного комплекса и др.

языка, который показывает вам неизвестное, а возможно, и неосознанное. Они удивляют» [Де Серто, 2010].

Есть в Ереване удивляющие средовые «завитки» и иного рода — единственная сохранившаяся мечеть — Голубая, спрятанная за фасадами главного проспекта Маштоца и спасенная усилиями Егише Чаренца, в свое время предложившего устроить здесь музей города; или Дом-музей Сергея Параджанова, заново созданное место со своими героем и атмосферой. А в последние годы в островки сопротивления превращаются и главное парадное пространство города — площадь Республики, и шедевры самого модернизма, да и весь таманяновский «Малый центр»¹²... Хотелось бы, чтобы они выстояли.

Незавершенный модернизм

Архитектура модернизма изначально рисковала стать жертвой породившего ее подхода — поступательно-бульдозерной линейной градостроительной парадигмы. Приучив город к подменам ценностей, модернизм в его советском изводе сам теперь заменяется чем-то поспешно новым. Яркие образцы стиля признаны архитектурными памятниками, но это признание как бы навязано социуму. Их ценность связывается с будто бы требующим преодоления «советским прошлым» и оказывается непрочным, недостаточным аргументом при решении их судьбы. Отношение власти и общества даже к иконам 60–80-х годов далеко от хотя бы уважительного. Уничтожен символ города — Дворец молодежи. Голый бетонный каркас остался от гостиницы «Двин» (построенной, к слову, на месте лучшей усадьбы старого Конда)¹³. Кинотеатр «Россия» переделан в торговый центр, уникальные пространства фойе и залов не используются. Под угрозой сноса «круглый» аэропорт «Звартноц». И лишь благодаря яростным протестам общественности спасен чудесный бетонный «завиток» Летнего зала кинотеатра «Москва», чья дальнейшая судьба, впрочем, остается неясной.

Фрагмент застройки жилого района для рабочих завода синтетического каучука — т. н. «Третьего участка» (архитекторы Г. Кочар, М. Мазманиян, О. Маркарян, С. Сафарян, 1930–1932). Фото автора, 2015.

12 Этот трогательный топоним, используемый ереванцами для обозначения территории спланированного А. Таманяном ядра города, встречался мне только в Ереване.

13 В 2015 г. начались, наконец, работы по реконструкции здания гостиницы с повышением его высоты.

Летний зал кинотеатра «Москва»
(архитекторы С. Кнтехцян и Т. Григорян, 1967) со стороны
ул. Туманяна. Фото автора, 2012.

Своего рода бонус архитектуры модернизма в том, что она, в отличие от вернакулярной, может быть сохранена в той же «вертикальной» парадигме, в коей и создавалась (целевые программы реставрации памятников, комплексная реконструкция массивов застройки¹⁴). Это все та же «сильная» проектность, привычная нашим градостроителям. Вот только для ее применения нужны понимание ценности такого наследия наверху (властная воля), немалые бюджетные средства и, как ни странно, общественное давление «снизу».

И здесь, наконец, пора сказать о социальной стороне дела. Считается, что, в отличие от традиционно-авторитарных обществ, модернизированное обладает достаточно высоким уровнем гражданской культуры, создающим предпосылки для демократии. Модернизация, проходившая в Ереване в последнее столетие, конечно же, сопровождалась социальными инновациями и достижениями в сферах занятости, образования, гендерного равенства. Но они мало затронули важную для нашей темы область городского самоуправления. С этой точки зрения, модернизация Еревана далеко не завершена, и ее социальные результаты можно характеризовать словом «псевдомодернити». Более того, в сегодняшнем Ереване (впрочем, тут он не одинок) очевидны проявления демодернизации, движение вспять — ко все более консервативному, архаизированному социуму.

Собственная социальная ткань города слаба. «Горизонтальных» сил, устойчиво действующих на городском поле, практически не сложилось. Так, никто не смог остановить произвол олигарха, перестроившего в 2012–13 гг. здание Крытого рынка, важное для поддержания общегородской идентичности. Реально противодействовать «вертикальной» модернистской парадигме обращения со средой в городе сегодня, пожалуй, некому.

Самоорганизационная структура городского общества (т. н. шрджапаты¹⁵) существу-

14 Это необходимо сделать, прежде всего, для первоначальных кварталов т. н. «Третьего участка» постройки начала 1930-х годов.

15 Шрджапат (в буквальном переводе с арм. «окружение») — понятие, лежащее в основе социальной жизни армянина. Это широкий круг родственников, друзей, близких и дальних знакомых человека, с которыми он поддерживает или может поддерживать личные неформальные, доброжелательные и взаимоуважительные отношения.

ет, но она экстерриториальна и не связана с решением средовых проблем (в отличие от махалля восточного города, армянский шр-джапат не является субъектом среды). Да, жители нескольких дворов центра упорно сопротивляются их точечной застройке, а небольшие группы молодежи и интеллигенции выступают против жестких решений власти, иногда даже успешно (спасение от сноса вернакулярного здания на ул. Арами, 30, предотвращение ларечной застройки сквера Маштоца, упомянутый Летний зал). Но это лишь эпизоды, и этого слишком мало.

Ереван все еще существует в узком русле культуры своего незавершенного модернизма. Может ли эта культура преобразоваться в более органичную, интегральную городскую культуру, неотъемлемый атрибут развитого гражданского общества с дифференцированной субъектностью, активным участием горожан в процессах принятия решений и уважительным отношением к собственному прошлому?

Социальная домодернизация города — та стадия модернизировать, на пороге которой Ереван существенно задержался. Но только за этим порогом возможен пятый Ереван — преимущественно развивающийся современный исторический город, бережно сохраняющий все свои средовые ценности.

Список литературы

- Старый Ереван в новом Ереване.
Интервью с К. Бальяном.
URL: <http://novostink.ru/armenia/77422-staryy-erevan-v-novom-erevane.html>
(дата обращения 25.11.2015)
- Бальян К. Город, смотрящий на Арарат // Проект Классика. 2006. № XVIII-ММVI. URL: http://www.projectclassica.ru/school/18_2006/school2006_18_03a.htm (дата обращения 25.11.2015)
- Белый А. Армения: Очерк, письма, воспоминания. Ер.: Совет. грох, 1985.
- Веймарн Б.В., Лавров В.А., Чернов Е.Г., Яралов Ю.С. Архитектура республик Закавказья. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951.
- Виллари Л. Огонь и меч на Кавказе // Анив. 2006. № 3 (3). URL: <http://aniv.ru/archive/23/ogoni-mech-na-kavkaze-okonchanie-luidzhi-villari/> (дата обращения 25.11.2015)
- Высоковский А.А. Места активных действий. URL: <http://kak.ru/columns/urbanenvironment/a3194/> (дата обращения 25.11.2015)
- Генис А. Модернизм как стиль XX века // Звезда. 2000. №11. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html> (дата обращения 25.11.2015)
- Горин Д. Чувство истории в культуре «другой современности», или Буратино как зеркало русской эволюции // Неприкосновенный запас. 2013. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/10g.html> (дата обращения 25.11.2015)
- Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2013.
- Де Серто М. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 108–121.

- Иванов А. Иереван. Этюды о духе места: Сборник эссе. Ереван: Mediapolis Creative Projects Bureau, 2014. С. 122–130.
- История Еревана. Часть первая. Среда обитания. Интервью с А. Казиняном. 20 июня 2015. URL: <http://imyerevan.com/ru/society/view/10720> (дата обращения 25.11.2015)
- Замятина Н., Замятин Д. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1.
- Лурье С., Давтян А. Ереванская цивилизация. URL: <http://svlourie.narod.ru/civilization/contents.htm> (дата обращения 25.11.2015)
- Мансурян Т. Обращенность внутрь // Анив. 2007. №6 (9). URL: <http://aniv.ru/archive/35/obraschennost-vnutr-tigran-mansurjan/> (дата обращения 25.11.2015)
- Микаэлян К. «Квартал 33»: инвестиционная программа в 300 млн. долларов // Новое время, 16.06.2015. URL: <http://www.nv.am/kurer/43997--33-300> (дата обращения 25.11.2015)
- Мирзоян Г. Иранский рынок Фирдуси — уходящая эпоха 90-х. URL: <http://chai-khana.org/ru/iranskii-rynok-firdusi-ukhodiashchaia-epokha-90-kh> (дата обращения 25.11.2015)
- Mugerauer R. Derrida and Beyond // Theorizing a new agenda for architecture. An anthology of architecture Theory 1965–1995. Kate Nesbitt (ed.). 1996. New York: Princeton Architectural Press, pp. 182–197 (автор благодарен Константину Кияненко за ознакомление с этой цитатой в его переводе с англ.).
- Urban Planning For City Leaders. United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat), 2nd Edition, 2013. P. 4. Пер. с англ. — Московский офис ООН-Хабитат.